

Т е м а н о м е р а : Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии

К р у г л ы й с т о л : «Размышления о научной школе»

Список участников КС

Владимир Александрович Ядов

Татьяна Сергеевна Баранова

Анна Алексеевна Барсамова

Елена Николаевна Данилова

Ольга Николаевна Дудченко

Светлана Гавриловна Климова

Лариса Алексеевна Козлова

Ирина Владимировна Ксенофонтова

Анна Владимировна Мытиль

Елена Юрьевна Рождественская

Ирина Вячеславовна Щербакова

Круглый стол: «Размышления о научной школе»

Аннотация

Круглый стол «Размышления о научной школе» посвящён классику современной российской социологии Владимиру Александровичу Ядову и сообществу учёных, долгие годы сотрудничающих с ним. В ходе обсуждения выявлены основные критерии научной деятельности этого сообщества, объединяющего социологов разных тематических направлений, возрастов и даже методологических подходов. Уделено внимание также проблеме существования и развития научных школ в современной науке. Непременным условием существования школы признано наличие сильного и авторитетного лидера – не только признанного мэтра, но энтузиаста, готового постоянно генерировать свежие идеи, новые темы, применять инновационные теоретические подходы, руководить исследовательским процессом, опекать молодых учёных и помогать им.

Ключевые слова: научное сообщество, методология исследования, стратегия научного исследования, лидерство в науке, научные направления

Ирина Альбертовна Халий: Уважаемые коллеги! В сетевом журнале «Вестник Института социологии» мы планируем открыть постоянно действующую рубрику «Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии». И, конечно, начать было решено с того коллектива, который сложился и продолжает развиваться вокруг одного из авторитетнейших наших коллег – Владимира Александровича Ядова. Для обсуждения научной деятельности вашего коллектива (я бы назвала его «научной школой Ядова») мы сегодня и собрались.

Владимир Александрович Ядов: Я так скажу: дома я, конечно, готовился, как – секрет. Не скажу, что готовился сутками, но несколько минут потратил на это и думаю, что могу выделить три особенности того, что вы называете моей школой.

Первая особенность, я думаю, состоит в том, что мы с самого начала (ещё с Ленинграда и по сей день) очень тщательно отрабатываем программу исследования, от теории (детально: все индикаторы смысловые, эмпирические и т. п.) до пробы методик по всем правилам. Постепенно проба мето-



дик стала осуществляться нами уже не столь строго, как это было изначально. А изначально в Ленинграде это было жесточайше строго, никто такого сейчас вообще не делает. Просто потому, что опыт большой накопился, и исследователи опираются на то, что уже опробовано, а в начальный период у нас ещё не было опыта. Однако традиция проверять методу на устойчивость, надёжность, валидность сохраняется. При этом главное – самим выходить в поле. Хотя сейчас не так часто и это сами делаем: постарели некоторые, да и денег побольше стало – кого-то нанять можно, но всё-таки начинали мы именно таким образом. Вспомните, как на предприятиях ходили по цехам. Ведь впечатления, которые получаешь от разговора в поле с теми, кого изучаешь, намного сильнее, чем все эти статистики. Приведу один пример, который мне нравится очень, я его всегда в голове держу. Изучали мы солидаризацию в рабочей среде. Идём мы по заводу, по-моему, московскому, я подхожу к одному пожилому рабочему и говорю: «Слушай, вот сейчас новые правила – всякий вновь поступающий на работу подписывает договор с дирекцией: обязанности дирекции, обязанности сотрудника и так далее. А те, кто давно работают, вроде тебя, они не должны подписывать, как думаешь?» А он: «Да, на кой мне договор?» Я говорю: «Ну, как на кой, ты будешь знать свои обязанности, а они знают, что от них могут рабочие требовать?». Он: «А зачем мне это надо? Так я пришёл, понимаешь, в понедельник, мастер говорит: «Ты что, Петруха, иди, в субботу выйдешь, отработаешь две смены». И всё, а тут ткнёт в бумажки и выгонит». Это гораздо убедительнее, чем анализ, статистика и всё такое.

Второе – это коллективная работа. Мы совместно разрабатываем все детали исследования, и уже кто автор, кто не автор, – не имеет значения. Кто-то скажет не очень удачно – забудется, кто-то удачно – поддержится. Домашние задания бывают: что-то придумать, что дальше делать, как делать. Вот это коллективная мозговая атака в том смысле, что на первых порах не критиковать предложение, а развивать его, но потом можно и критиковать – на втором этапе. Это тоже очень полезно. И ещё (это из Выгодского, я выучил), такая коллективная работа, эмоциональная, с глазу на глаз гораздо более продуктивна бывает, чем индивидуальная. Потому что каждый хочет, так сказать, показать себя перед другими, мобилизует себя интуитивно, подсознательно.

И третья особенность – это публикации. Они у нас в основном монографические (редко сборники), т. е. тщательно всё прорабатывается, я сам всё внимательно просматриваю, иногда чиркаю здорово, но, конечно, согласовываю, договариваемся. Сейчас некоторые работы готовим вместе с Леной Даниловой, некоторые – ещё с кем-нибудь, но авторство каждого в деталях прописано (и не только раздела, даже автора идеи указываем, т. е. ни одно авторство не теряется).

Халий: Владимир Александрович, несколько слов про ленинградскую школу не хотите сказать?

Ядов: Это писано-переписано, но можно сказать, конечно. Когда мы начинали, никакой социологии не было. Все, кто начинал (Овсей Шкаратан, Игорь Кон и другие), были очень сплочёнными, дружили, общие семинары всё время проводили. Каждый, кто узнавал что-то новенькое, тут же «нёс» это в коллектив, а новенькое узнавать было не так-то просто, потому что нормального доступа к литературе и тем более интернета не было, если кому-то удавалось добыть книгу иностранную, то она тут же расходилась, переводилась, передавалась из рук в руки. Главное было – всё рассказывать коллегам, ничего не утаивать. Помню, я приехал из Польши (ездил на конгресс польских социологов), и сказал, что сейчас новые направления в социологии развиваются, постмодернизм и т. п., а Юрий Давыдов говорит: «Ничего себе новенькое!». А ты что сидел, молчал?! Для меня было удивительным – он знает и никому не говорит. У нас такого не было: возможно из-за информационного вакуума. Теперь, может быть, это и не так важно, но эта особенность была – взаимопомощь. Что ещё? Много чего можно говорить, но главное названо – очень высокая сплочённость, взаимопомощь, взаимоподдержка и идейная оборона от внешнего врага.

Халий: Думаю, надо вернуться к обсуждению вашего творческого научного коллектива: как он возник, развивался, на чём базировался.

Елена Николаевна Данилова: О нашем коллективе. Надо сказать, что это довольно давняя история, уже 20 лет, наверное, а то и больше, мы работаем с Владимиром Александровичем. Когда появился Владимир Александрович в институте, мы все были в разных подразделениях (я имею в виду наш отдел теоретического анализа социальных трансформаций). Потом, если вы помните, был такой «Юрьев день» в институте, когда происходило то, что происходит теперь во всём мире, – процесс самоопределения. Народ самоопределялся, естественно размежёвывался и примыкал. И мы стали выяснять, какие есть предложения, т. е. вокруг чего объединяться, какие идеи, что делать, какие исследовательские интересы, что сейчас на повестке дня в науке, кто что умеет и так далее. И в каком-то смысле спонтанно, а в другом смысле даже, наверное, не сильно спонтанно образовался круг людей, заинтересованных общими проблемами. Это был первый стимул к объединению. В широком масштабе темой стала «личность и общество», т. е. это тема Владимира Александровича, о которой он всегда беспокоился: почему люди себя ведут так, что собственно ими движет, их установки и поведение, почему поведение может быть совершенно иным, чем то, что декларируется на словах.



И второй стимул – это харизматический лидер, к которому и тянулись люди. Начали мы тогда с темы идентичности, которая у нас в стране возникла не так давно, в то время как на Западе она уже всюду исследовалась, мало того, была одним из главных концептов. Я помню, что в тот момент съездила в Англию, притащила книги, и мы начали рассуждать: а годится нам это или не годится? Причём у нас сотрудники имели разное (психологическое и экономическое) образование, многие занимались социализацией, что тоже, как говорится, в тему. В общем, тема идентичности как концепт, как некий новый круг интересов, сформировалась на первоначальном этапе в качестве основы, образующей отдел. Это были первые исследования идентификации, в самом начале 1990-х гг. Но не только это. Богатство нашего отдела ещё заключалось в том, что многие люди имели уже багаж и опыт использования различных методик, причём апробированных. Так скомпоновалась команда из тех, у кого была возможность что-то предложить. У Светы Климовой, помню, была методика неоконченных предложений, у Оли Дудченко и Ани Мытиль – методика по измерению адаптации. У Тани Барановой – тесты семантического дифференциала, любимая вещь. Но это не означало, что мы брали эти методики в классическом виде, мы пытались их адаптировать под темы проектов. А проекты, помимо идентичности, увязывались некой общей концептуальной схемой. У нас, конечно, много было исследований, связанных с поведением людей и в рамках трудовых отношений. Делали исследования на предприятиях, о чём упоминал Владимир Александрович, но это пояснит Светлана Гавриловна, она в этом смысле мастер.

Подобрался коллектив с определённым общим интересом, уже был и свой методический ресурс. И, конечно, честно говоря, вспоминать те дни, когда мы начинали исследования любого рода с Владимиром Александровичем, приятно – это было, действительно, счастье. И надо сказать, что всегда и безусловно наш лидер имел и имеет значение, и особенно следует отметить такие его черты, как демократичность и живой ум, интерес, а также чрезвычайная вменяемость. Ибо когда есть вменяемость, есть и спор, и интерес, и желание услышать другого. Как правило, наши обсуждения часто проходят в форме мозговых штурмов.

Когда мы делаем коллективную монографию, это означает, что мы все объединены какой-то общей идеей и хотим посмотреть на некий феномен с использованием разных методик, но под одной «крышей». В любом случае мы в каждой из монографий приводим и приводили всегда свои методики, что тоже считаем нашим достижением. Эти методики, естественно, корректировались в ходе полевых исследований, причём различные методики – от тестов до гайдов и анкет, как правило, мы

используем и качественные, и количественные методики. Такая методическая основа безусловно идёт от лидера. Когда есть компетентный лидер и интерес, и твоя компетентность растёт.

Очень важно, чтобы всё происходило согласно профессиональным требованиям проведения исследований. Были апробации, помню, мы бесконечно спорили о пилотажах, проверяли статистики, которые получаются на пилотажах, со шкалами бесконечно работали, с тестами, расчёты всякие – всё это до того, как выйти в поле, мы действительно делали. Сейчас мы это меньше делаем, не исключено, это связано скорее с тем, что финансирования, как правило, хватает только на мягкие методики, позволяющие брать небольшие выборки и самим участвовать в полевых исследованиях. Вот у нас Ирина, Оля, Аня, Света, Таня, у всех коллег есть определённый свой объект интереса и исследования, и все работают со своим объектом самостоятельно и по определённым методикам, а процесс исследования, результаты, методики и идеи мы до сих пор жарко вместе обсуждаем. Всё это стиль, манера лидера, учителя, такой фирменный знак, что ли. И формирование коллективов вокруг него – тоже «фирменный» знак, естественно, и формируется он не отделом кадров, а самими исследователями вокруг лидера, это «органическая» деятельность.

Халий: Поскольку на Светлану Гавриловну Климову уже сослались (а она возглавляет одно из важных направлений ваших исследований), давайте ей и предоставим слово.

Светлана Гавриловна Климова: Когда я готовилась к этому выступлению, то думала рассказать о научной школе В. А. Ядова. Но нужно всё-таки понимать, что такое школа. Я задала этот вопрос себе и попыталась на него ответить. Ответ у меня получился из одного слова: научная школа – это перспектива. А потом я стала думать: а что такое научная перспектива, какая она бывает? И есть ли в нашем случае научная перспектива применительно к школе Ядова и к той проблематике, которой я занималась много лет – социология труда. Я насчитала пять таких перспектив.

Первый признак научной школы – это теоретическая перспектива, т. е. когда задана такая парадигма, которая позволяет вести исследования, не упираясь в границы этой парадигмы, а если ты ощущаешь, что всё, она тебе мешает, значит нет больше у неё возможностей. В случае социологии труда – это та парадигма, которая, на мой взгляд, позволяет не упереться в потолок, и которая была задана первыми теоретическими концептуальными исследованиями Владимира Александровича: представление о работниках как о полноценных субъектах трудовых отношений. Это базовое утверждение, которое сейчас противоречит доминирующему в практиках постфордизма (мы с этим постоянно сталкиваемся): теория и практика управления, главной идеей которой является отказ



работникам в субъектности, индивидуализация трудовых отношений и доминирование краткосрочных и часто неформальных правил. Эти практики сегодня доминируют, но они не заставляют нас отказываться от концепта субъектности в трудовых отношениях. И здесь мы выйдем даже какими-то фрондёрами, потому что очень часто нам говорят, что это архаизм, что это социалистический концепт, а с другой стороны, – что это какие-то левацкие представления о трудовых отношениях, которые на самом деле вне главной линии развития. Но, тем не менее, на мой взгляд, концепт субъектности чрезвычайно богат и позволяет развивать это направление.

Второй признак научной школы – методологическая перспектива, которую можно назвать культурметодом, т. е. это рефлексия по поводу метода самого исследования. Как это делается, рассказали Елена и Владимир Александрович.

Третья перспектива – кадровая. Всегда есть ученики, всегда есть последователи, которые продолжают дело, но могут быть совсем не одни и те же люди. Критики концепта научных школ говорят, что научная школа – это застывший организм, который деградирует; это архаизм и его надо разрушать, надо устраивать конкуренцию вместо сотрудничества... Я считаю, что кадровые перспективы в нашем случае – не обязательно застывший коллектив, состоящий постоянно из одних и тех же людей: одни приходят, другие уходят, одни задерживаются надолго, а другие на короткое время. Применительно к социологии труда, эта перспектива реализована в очень активном функционировании секции социологии труда в РОС. И наши «кадры» нередко находятся далеко за пределами Москвы.

Четвёртый признак школы – это отсутствие географических границ. Потому что научная школа – это сообщество, которому функционировать, особенно сейчас, очень легко. Все друг с другом переписываются, организуют конференции, издают книги, тем более, что Владимир Александрович всегда готов их рецензировать и редактировать, всяко участвовать, и в этом всё больше молодых людей принимают участие. Комитет по социологии труда российского общества социологов один из наиболее активных.

Когда мы начинаем какой-то проект или готовим конференцию (в частности очередная конференция по социологии труда пройдёт в сентябре в Нижнем Новгороде), сразу же даём объявление на сайте РОС, и огромное количество молодых людей может принять участие, особенно если конференции проводятся на базе университетов. А они регулярно проводятся на базе университетов либо в Нижнем, либо в Самаре, либо в Санкт-Петербурге, там наиболее сильны такие ячейки и огромное количество молодёжи выступает. Участие в конференциях, в совместных публикациях, в совместных исследованиях даёт возможность молодым исследователям не ощущать себя людьми третьего сорта, потому что в нашем сообществе нет такого подхода к оценке труда молодых.

Так, в Санкт-Петербург, например, на конференцию по труду три японца приехали, говорящие по-русски. Они участвуют в диалоге, а не просто читают книжки, они знают, с кем поговорить, с кем вступить в контакт и по какому поводу. Мы издали вместе со студентами Краснодарского и Нижегородского университетов книгу: Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999-2002 гг.). М.: Аспект-пресс, 2004. Это и есть результат такого подхода.

И не случайно на последней конференции по социологии труда в Санкт-Петербурге Владимир Александрович председательствовал, что воспринималось абсолютно естественно, несмотря на то, что там было действительно много учёных и из петербургского университета, и из других мест. Это было естественно и органично. Никто не думал, что надо вступать в какие-то конкурентные отношения, а старались найти возможности разных диалогов.

Следующая перспектива научной школы – это этическая перспектива, потому что есть определённые нормы в научном сообществе. Они иногда проговариваются (например, что вот так-то делится материал, так-то делится работа), иногда они подразумеваются. Я в процессе подготовки к нашему круглому столу попыталась их сформулировать, хотя бы основные. Первая этическая норма – отсутствие административного давления и согласованное решение, Владимир Александрович об этом говорил. Второе – открытость для инициатив, третье – поддержка молодёжи и четвёртое – открытость данных исследований для всех участников. Вот это базовые правила, мы всегда их придерживаемся, и они нам очень помогают в работе.

Халий: Думаю, следует дать слово Виктории Владимировне Семёновой. Никто, как она, не сможет рассказать нам о научных кадрах школы Ядова.

Виктория Владимировна Семёнова: Мне кажется, что если говорить о школе Ядова, трудно ограничиваться какими-то структурными рамками. Скорее, это некое большое виртуальное сообщество, и, наверное, если бы сейчас спросили многих социологов в разных городах, принадлежат ли они к школе Ядова, они бы ответили утвердительно. И не только в России, но и в других странах. Причём в этом воображаемом сообществе каждый вкладывает свои смыслы в «качество» принадлежности к школе Ядова. Для кого-то – это принадлежность к ядовскому поколению шестидесятников, для кого-то – соотнесение себя с некими профессионально-этическими качествами (как знак «качества» профессиональной деятельности), для кого-то – символ научного долголетия, пережившего несколько эпох развития российской социологии, а для кого-то – даже символ российской социологии в целом.



Например, для его зарубежных коллег, которые приезжают только для того, чтобы встретиться с «Владимиром». То есть границы этого виртуального сообщества конструируются и видоизменяются независимо от реальной близости к мэтру, а по каким-то духовным основаниям. Это сторонники или противники тех принципов, которые Владимир Александрович отстаивает как в науке, так и в жизни.

Что касается меня лично, то чисто формально я не могу считать себя учеником (или ученицей) Ядова, я эту школу не прошла, руководителем моей кандидатской диссертации был другой учёный. Я прикоснулась к его «университетам» только в годы учёбы в аспирантуре, и в основном мне запомнилось, как мы, аспиранты, терпеливо, по часу или больше, ждали начала его лекций, если опаздывал поезд из Ленинграда, и он вбегал в аудиторию так, как-будто всю дорогу от Питера бежал бегом. Но мы всегда дожидались, это было важно – не пропустить его лекцию. Книги «Человек и его работа» и «Саморегуляция поведения» исчерканы мною ещё в те годы до дырочек, и в целом Владимир Александрович был для нас, молодых, моральным авторитетом. Если говорить уже о более близком времени, то я бы сказала, что могу назвать себя, скорее, не ученицей, но последовательницей Ядова. Думаю, что это чувство наследия, «наследничества» зиждется на нескольких принципах, которые характерны для школы Ядова, о которых уже шла сегодня речь и о чём говорил сам Владимир Александрович.

Любопытно, что, несмотря на отсутствие формальной принадлежности к школе Ядова в годы ученичества, сегодня я могу причислить себя к его школе по факту: с группой преподавателей ГАУГНа мы выиграла конкурс и стали держателями гранта Президента РФ, который предоставляется лучшим научным школам. На нашем «знамени» написано «школа В. А. Ядова», у нас даже есть соответствующий сертификат. Кроме того, я имею честь быть соавтором Владимира Александровича по книге «Стратегия социологического исследования», где он предложил мне написать главу о качественной методологии.

Что касается основополагающих принципов школы Владимира Александровича, то первым, главным и важным для меня лично, я бы назвала принцип демократии в науке, в социологии. Владимир Александрович его нам впервые наглядно продемонстрировал в период его директорства в нашем институте. Произошёл тот «Юрьев день», о котором упоминала Лена. Это был очень яркий пример демократии, который изменил тогда жизнь многих моих коллег. С точки зрения проявления принципа демократии в социологии, я вспоминаю и другой пример: фактически, благодаря Владимиру Александровичу, качественная методология в России оказалась не «эпистемологической кучей», которой она собиралась стать,

а превратилась в направление, которое развивается. Владимир Александрович тогда сам весьма скептически и недоверчиво относился к этому направлению, и, будучи директором, он его мог спокойно запретить или «замолчать». Но он поддерживал, с любопытством со стороны наблюдал за всевозможными дискуссиями «защитников» и «нападавших», а мог бы прикрыть как «ненаучное направление». Я знаю университеты в Восточной Европе, которые до сих пор считают качественную методологию маргинальным направлением, поскольку их начальство не признаёт её значимость.

Даже совсем недавно, и не где-нибудь, а в Варшавском университете, аспирантка мне говорит: «А у нас это не прошло бы при защите диссертации». Вот сейчас Владимир Александрович недоверчиво качает головой, а тогда он говорил: «А что, попробуем» и дал нам, что называется, путёвку в жизнь. Когда же я определяла тему для своей докторской и колебалась между тематикой поколений и качественной методологией, пришла к нему за советом. Он прямо сказал: «Пиши по качественной, сейчас это важнее», и взялся быть научным консультантом. Это была, насколько я знаю, первая защита по качественной методологии.

Принцип демократии в управлении он отстаивает и в науке, где эта парадигма значится как принцип мультипарадигмальности. Его Владимир Александрович всегда отстаивает и в своих научных работах. Это касается не только качественной методологии. С Владимиром Александровичем можно обсуждать все новинки, новые повороты в исследованиях. Совсем недавно он мне сказал: «Пора включать визуальный анализ». Знаю, что Владимир Александрович к визуальному анализу не имеет никакого отношения, я его сложно представляю как исследователя в этой области, однако он знаком и с таким очень современным подходом. Эта мультипарадигмальность как принцип воспитана во всех учениках и последователях Владимира Александровича.

Второй, на мой взгляд, важный принцип (о чём говорила Елена Данилова) – «качество» исследований, т. е. качество методик и проработанности методологии исследования, чему он всегда уделяет внимание и что зачастую является весьма слабым местом в нашей эмпирии. Мы прекрасно знаем, как расходятся различные опросные агентства в своих данных, и мы всегда задаём первый вопрос: кто, что и как делал? И если мы узнаём, что это сделано по-ядовски, то это всегда гарантия качества. Недаром его учебник «Стратегии социологического исследования» является столь популярным и востребованным во многих учебных заведениях. Владимир Александрович понимал, что в основе профессионализма молодых социологов лежит методика, и прежде всего её студенты должны осваивать. Качество социологической информации – это тоже «ядовский» принцип работы социолога.

Ещё один принцип, очень востребованный в наше время и тоже идущий от Ядова, – это нравственный авторитет учёного в обществе вообще и в нашем социологическом сообществе в частности. Владимир Александрович не просто лично, а своей исследовательской позицией, своей гражданской позицией является для нас образцом – это, конечно, притягивает к нему его многочисленных виртуальных наследников, работающих в разных городах и весях. Я хорошо запомнила один момент нашей общесоциологической встречи в Уфе, когда посередине большого холла, заполненного приехавшими на конференцию и неорганизованно общавшимися между собой учёными, вдруг поставили стул, если не табуретку, на которую сел Владимир Александрович, и сразу вокруг него, как пчёлы, зароились все собравшиеся. Они сбегались волнами, все те, кто хотел поприветствовать мэтра, напомнить ему о себе, сказать доброе слово, получить короткий совет. А он восседал, как патриарх, обращая взоры направо и налево, узнавая, а иногда и не узнавая тех, кто хотел получить его научное благословение. Всё «броуновское движение» в холле вдруг организовалось вокруг этой центральной табуретки. И я думаю, что это было не только благодаря тому, что звучно его научное имя, но и потому, что это имя звучно с точки зрения нравственного авторитета. Потому что ни в нечестности, ни в каких-то подлостях никогда он не был замешан и, по-моему, даже был официально назначен председателем какой-то этической комиссии в рамках РОСа. А уж как напрямую, неожиданно прерывая регламент любого «высокого собрания», он может высказать своё мнение, мы знаем все: «Что он несёт? Это же ерунда!»

Если кто-то хочет быть на определённом уровне профессионального «качества», то он обязательно равняется на Ядова, безотносительно к тому, обладает ли он формальным членством в его команде. Это и есть Ядовская школа. И, как я говорю студентам в нашем ГАУГНе, Ядов – наше знамя, мы не можем его ронять. Мы действительно стараемся ориентировать наших студентов и преподавателей на «ядовский» уровень. Да и преподаватели, и студенты приходят зачастую в университет потому, что он «ядовский», возможно именно поэтому наш университет и жив, пока существует ядовская научная школа.

Халий: Без сомнения, тему расширения «ядовского круга» продолжит Елена Юрьевна Рождественская, недавно при научном консультировании Владимира Александровича защитившая докторскую диссертацию.

Елена Юрьевна Рождественская: Как обойтись без личной истории? Есть у меня такой эпизод в жизни. Я заканчивала университет, философский факультет в Риге и работала на кафедре прикладной социологии, осуществляла исследование. И вот часть моей работы, так сказать, влилась в отчётный

материал отдела Владимира Александровича, когда он ещё работал в Ленинграде. То есть, уже со студенческой скамьи я считаю, что имею право причислить себя к школе Ядова. Таким вот сложным путём через одну кандидатскую, но уже к докторской я пришла под крыло известного мэтра. Теперь, оценивая очень долгий путь и длинный ряд разложенных здесь книг, я могла бы сказать, что идеи школы Ядова связали несколько поколений. Что такое работа, что такое личность, взаимосвязь личности и общества, вопросы солидарности, активной позиции в обществе – эти вопросы не теряют актуальности и это, возможно, объяснение того, почему школа жива, почему инвестиции в репутацию этой школы теперь работают на саму репутацию. То есть, по большому счёту, мы с вами можем жить на определённые дивиденды, исходя из того, что затеял Владимир Александрович Ядов. Но никто не сидит сложа руки, и все, благодаря основной интенции, исходящей от руководителя, ищут новое. Очевидно, что и демократический стиль руководства, и взаимоотношения в коллективе, и готовность поддержать новое (во что, может быть, поначалу и сам Владимир Александрович не особенно верил, но дал карт-бланш, поддержал), дали возможность увидеть, что и у нас расцвели очень интересные и сегодня приветствуемые «цветы», на Западе давно уже развиваемые. И мы не отстали в этом отношении, развивая такие направления, как этнография, интернет-исследования, визуальные исследования,



гендерные и квир-исследования.

Но я бы хотела всё-таки выделить две основные идеи, которые грели мне душу и мотивировали меня на подготовку докторской диссертации. Это, конечно же, книга «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности». Представление о целостности индивида, о том, что это не просто некий объект, агент в социальном поле, а человек, личность, нагруженная определёнными диспозициями, обладающая структурой избирательности в поле социального действия, переключалось и в план моих собственных идей, когда я говорила об этом в своей докторской работе, т. е. о том, что на платформе биографического метода мы только и собираем целостного индивида, в отличие от обычно предъявляемого частично. Мы всем нужны лишь по какому-то поводу, а вот «собрать» себя воедино, представить себя целостным и в этом




смысле утвердить свою идентичность мы способны, отвечая на самый главный вопрос нашей жизни: кто мы такие и как мы стали такими, какие мы есть. Так что я полагаю, что те идеи, которые были высказаны в 1960-70-е гг., не утратили своей актуальности, и это свидетельство того, что школа жива и имеет определённые перспективы. Набор этих идей, широта инновативных методов, демократичность стиля и, наконец, бренд и есть подтверждение наличия школы В. А. Ядова. Достаточно посмотреть в интернете, насколько цитируемы его работы.

Ещё одно объяснение живучести и перспективности школы заключается в том, что далеко не каждый отдел и даже не каждый институт может похвастать таким набором хрестоматийных для обучения новых поколений книг, благодаря которым учёные социализируются в профессии. И в этом смысле Владимир Александрович является передовой фигурой.

Халий: В подтверждение перспектив развития школы Ядова предоставим слово молодым учёным.

Ирина Владимировна Ксенофонтова: На данный момент я уже работаю в институте, готовлюсь защищать диссертацию, мой научный руководитель Виктория Владимировна Семёнова, т. е. я тоже причисляю себя к школе Ядова, хотя бы формально. Но сейчас я хочу сказать о другом своём опыте, о том, как я училась на соцфаке в ГАУГНе, и что такое учиться в этом университете. Буквально это означает: учиться у Ядова. Это может подтвердить любой студент или выпускник, потому что иногда, когда я училась, спрашивали: «А где ты учишься?», я отвечала: «В ГАУГНе». «Где, где?». Я говорила: «Ну, у Ядова». Тогда все понимали. Могу немножко рассказать о том, какие у меня были ощущения от первой встречи со школой Ядова. Когда человек только приходит на социологический факультет фактически после общеобразовательной школы, то бывает оглушён новой информацией, потому что ему говорят: «Это не привычка, это установка. Это не человек, это индивид. Это не разговор, это коммуникация». И, несмотря на то, что преподаватели стараются особенно не грузить первокурсников, головы у молодых сразу трещат от обилия этой новой информации и новых названий всего и вся. И вот, помню, на первом курсе нам посоветовали для того, чтобы как-то сориентироваться, взять в библиотеке книгу Ядова и Семёновой «Стратегия социологического исследования», чтобы понять, как вообще проводить социологическое исследование. Я торжественно отправилась в библиотеку, взяла эту книгу, прочитала первые несколько страниц и поняла,





что я ничего не понимаю. Сейчас я, конечно, понимаю, что там нечего было не понимать, всё же понятно написано! Но тогда это было очень трудно. Примерно в то же время Владимир Александрович начал читать нам лекции, и перед первой лекцией у меня появился такой страх, что я ничего не пойму, буду сидеть зажатой, и, как в случае с книжкой, только хлопать глазами и ничего не понимать. Но оказалось, что самые сложные вещи можно объяснить простыми словами, приводя различные примеры, и тогда какой-нибудь там структурный функционализм оказывается вполне живым и доступным. Он перестаёт быть таким страшным монстром из-под кровати, который на тебя набросится и съест. Но речь всё-таки не идёт об упрощении, чтобы для дурачков-студентов донести. Речь идёт именно о том, что сложное нужно уметь раскладывать на простое, чтобы понять любой механизм вообще: социологический или другой научный. Помню, как Ядов однажды сказал: «Теория ничего не стоит, если её нельзя объяснить на пальцах». И я это хорошо запомнила. Потом, уже на другом уровне, на старших курсах мы стали понимать и книжки, и лекции, и Владимир Александрович уже разговаривал с нами на более сложном языке. Позже я поступила в аспирантуру. Был выбор темы диссертации. Так получилось, что я стала заниматься солидарностью и, конечно, это опять привело меня в школу Ядова.

Ядов: Отчего я умею просто объяснять. Потому что долгое время я студентом читал лекции по линии общества «Знание» на заводах, и там надо было объяснить очень просто. А когда из партии меня потурили, я пошёл на завод работать и был главным пропагандистом по всему заводу. Короче, у меня большой опыт объяснять людям, которые совершенно некомпетентны, какие-то наши вещи.

Ирина Вячеславовна Щербакова: Хорошо тем, кто учился в ГАУГНе, а тем, кто там не учился, пришлось своей головой до всего доходить и пользоваться советами более опытных товарищей. После окончания моего вуза я поняла, что как ремесло я примерно всё усвоила и могу деньги этим заработать даже. Но когда захотелось чего-то большего, заняться социологией как наукой и искусством, я у Геннадия Семёновича Батыгина спросила, куда мне обратиться, он посоветовал к Вам, Владимир Александрович. И вот уже несколько лет работаю с Вами и Вашим коллективом, но понимаю, как многому надо ещё учиться. Даже уж не знаю, могу ли относить себя к Вашей школе, но главное, что я поняла, – это честность в науке.

Анна Алексеевна Барсамова: Я работаю в этом подразделении недавно, но хочу поделиться своими впечатлениями. Меня интересует специфика анализа данных. Поскольку социология не может обойтись без информации, которую мы получаем в результате исследований, именно отношение к этой информации и специфика работы с ней во многом определяет различные научные сообщества и школы, отличает их друг от друга. Можно данные просто описывать, можно объяснять, и это тоже правильно и интересно. А можно данные использовать для объяснения реальности, для понимания каких-то механизмов функционирования общества, для понимания поведения людей. Что для меня отличает работу нашего отдела от многих других, так именно отношение к данным не как к самоцели, а как к источнику, чтобы объяснить реальность.

Халий: Вернёмся к «старожилам» вашего сообщества. Мне представляется, что у них найдутся ещё незатронутые в нашей дискуссии темы.

Татьяна Сергеевна Баранова: Я работаю с Владимиром Александровичем с тех пор, как он, так сказать, появился в нашем институте, хотя знала его значительно раньше. Я – психолог, закончила психологический факультет МГУ и, как Ядов считает, неисправимый психолог, то есть при любых социологических исследованиях или при любых объяснениях я всегда скатываюсь, так сказать, в психологизм. В этом, наверное, мой минус, но и плюс, потому что я же не зря осталась в социологии и пришла работать именно к Ядову. И первый год, когда мы начинали с идентификации, для меня был просто праздник души. Потому что это настолько затрагивало все мои установки как психолога, все мои интересы и глубинные потребности, что я в это полностью погрузилась. Я занималась социологическим анализом при помощи психологического метода, применяла семантический дифференциал (одна из первых). И Ядов «на ура» это воспринял. Хотя перед этим я долго, работая в институте с 1973 г., пыталась этот метод реализовать под руководством многих других социологов. Но никто ничего не понимал. Ядов понял с полуслова.

Ядов сам психолог в определённой степени, хотя всё-таки социолог до мозга костей, я эту разницу вижу. И знаете, отличительная черта школы Ядова, с одной стороны, – творческая компонента, когда просто интересно всё новое и всё такое глубинное, то, что действительно объясняет поведение человека; с другой стороны, – очень чёткое применение методов. И вот это характерная черта школы Ядова – широта творчества, которое всегда немножко неорганизовано, но при этом чёткая организация в плане метода, то есть всегда чёткая программа: что мы исследуем, зачем, кто, какие методы, как проверяем данные.



Это мне очень помогло вообще в жизни. В связи с перестройкой многие из нас работали в других областях. Я в образовании работала, и всегда при столкновении с какими-то проблемами знала, что нельзя сильно растекаться мыслью, что есть программа, а потому и понимание, что делать. Это школа мне дала, я действительно Владимиру Александровичу благодарна.

Анна Владимировна Мытиль: Конечно, мы все люди Ядова и со всем, что тут говорилось, я полностью согласна. Но мне бы хотелось сказать в двух словах только об одном – о щедрости Владимира Александровича. (Обратите внимание: Владимир Александрович уже начинает испытывать неловкость от тех комплиментов, которые на него посыпались). Информация в науке – это один из важнейших ресурсов. А у нас, в подразделении Ядова, никогда не было никакого дозирования информации. Наоборот, если тебе что-то интересно, идея интересная, пожалуйста – бери, развивай. И, на мой взгляд, эта информационная щедрость базируется на том, что наш лидер – неистощимый источник новых идей. Берите, мне не жалко, потому что завтра я придумаю такое, что вам и не снилось. И Владимир Александрович всегда стимулирует к развитию. Не стоять на месте, двигаться вперед и сеять доброе и вечное.

Ольга Николаевна Дудченко: Я уже очень много лет работаю с Владимиром Александровичем, и для меня это было сознательное решение – работать именно с ним. Оно довольно долго зрело, а главное – было на чём выбор основывать. Это то, что помимо внятности таких полипарадигмальных подходов и понимания того, что содержательно вряд ли будут какие-то неожиданности, было стремление сохранить свою свободу в выборе направления. Я была уже достаточно взрослым человеком со своими интересами, было желание их сохранить и ожидания, что будет такая возможность. И это подтвердилось. Но то, что параллельно с этой свободой, всегда была и сохраняется готовность полноценно включиться в работу на любой стадии (честно говоря, было не совсем ожидаемым, и что, на мой взгляд, редкая вещь): ответить на любой запрос, немножко притормозить, если ты уходишь куда-то «не туда», по мнению Владимира Александровича, его готовность услышать, понять и поддержать.

Халий: Среди нас сейчас есть человек, который «по долгу службы» может и должен подвести некоторые итоги нашей беседы.

Лариса Алексеевна Козлова: Я слушала всех очень внимательно и заметила, что многие коллеги, особенно непосредственно сотрудничающие с Владимиром Александровичем, плавно перешли на его личность выдающуюся, и это совершенно не случайно. (Замечу, кстати, что мне, к сожалению, никогда не приходилось с Владимиром Александровичем работать в совместных исследованиях. Но могу сказать, что, пожалуй,



с 1990-х гг. и уж точно, с тех пор, как наши рабочие комнаты оказались рядом, да ещё мы с Владимиром Александровичем начали совместно издавать «Социологический журнал», наше взаимодействие стало весьма прочным.)

Сейчас моя задача, поскольку я занимаюсь историей и социологией науки, немножко обобщить то, что я сейчас услышала. Я думаю, что мы можем определить основные черты школы, о которой сейчас говорим и которая с очевидностью существует. Я думаю, что эту школу следует называть школой В. А. Ядова. Конечно, приходит сразу на память ленинградская школа, но она, мы должны признать, существовала в своё время, где-то в 1960-70-е гг., а потом распалась: настолько разными её представители и лидеры оказались, что в принципе говорить о каком-то последовательном продолжении единой методологии, единого направления, наверное, не приходится. Но Владимир Александрович перенёс вместе с собой и эту ленинградскую школу, поэтому её теперь можно называть ленинградско-московской во главе с Ядовым. Но, наверное, это тоже неточно, так как географических границ у этой школы нет, как мы уже выяснили. Так что школа Ядова – это просто школа Ядова. В неё входит обобщённый коллектив сотрудников, которые когда-либо работали или работают с В. А. Ядовым сейчас. Это и не направление, и не научная сеть, а именно научная школа.

Каковы её характерные признаки? Попробуем применить к этому феномену основные критерии, которые в науковедении отличают научную школу. Во-первых, естественно, это *наличие лидера*, с которого и начинается школа. Как говорит Борис Докторов, российская социология начинается с буквы «Я». Думаю, что он во многом прав. Вся социология 1960-х гг., безусловно, связана с именем Ядова. Так и по сей день. Но есть и какие-то признаки школы, которые существуют помимо лидера, которыми он наделён сам и которые, благодаря ему, распространяются в довольно широкие круги социологического сообщества – среди его коллег и учеников. Первый признак, я бы так определила, это *методическая направленность ядовской школы*. Его первый учебник, его программы и масса исследований, которые он провёл со своими коллегами, – всё это говорит о доминировании методической составляющей, о её значении для школы и для российской социологии в целом. Второй пункт, примыкающий к первому, – это *ядовский научный стиль* проведения эмпирических исследований. В первую очередь, это их коллективный характер, это выход в поле, это мозговой штурм, это совместная мысль, которая коллективными усилиями многократно умножается и даёт свой эффект. Я думаю, создание и распространение такого стиля – исключительная заслуга Владимира Александровича. Это стало возможным благодаря его личным свойствам, его харизме, его манере, которые он распространяет на других людей, на



своих коллег. Третий принцип касается теории и методологии, т. к. любая научная школа обязательно характеризуется определёнными пристрастиями в этом плане. Здесь совершенно явно обнаруживается, что Владимир Александрович является распространителем и «трубадуром» *мультипарадигмального подхода*. Ведь, к примеру, когда все ещё только начинали говорить о качественных методах и как-то разделяли количественные и качественные методы, он смело утверждал, что они вообще не разделяются по большому счёту в науке, и на разных этапах исследования они обязательно сосуществуют. Следующий пункт, четвертый по счёту, – это вопрос: есть ли какой-то *общий предмет* для школы Ядова, исследовательский предмет? Я думаю, что такого жёсткого предмета, конечно, нет: можно назвать много предметных полей. Но есть то, что, пожалуй, проходит сквозь все предметы, которых касается ядовская школа, – это *интерес к личности, к субъекту с элементами социальной психологии*, которая так близка Владимиру Александровичу и всем его ученикам. Какую бы предметную область мы ни взяли, исследуемую этой школой, крен всё-таки в эту сторону идёт. И, наконец, пятый пункт, характеризующий ядовскую школу, связан с Ядовым как *учителем молодёжи*. Это совершенно особое его свойство, которое обеспечивает продолжение жизни его школы. По-моему, он прекрасный педагог, который любит своё дело. Владимир Александрович чувствует себя здесь очень органично. И вот сегодня недаром молодёжь так бурно начала выступать по поводу своего ученичества, потому что Ядов действительно умеет заразить учащихся интересом к социологии, и это – его очень значимое свойство как учителя и как главы школы.

Одно слово скажу о перспективах школы. Как и любая школа, конечно, и эта будет изменяться, у неё появятся какие-то другие лидеры, новые направления исследований, она будет ветвиться. Труды Владимира Александровича всегда будут читаться и, может быть, с разной интенсивностью, но интерес к ним, я думаю, не пропадёт. Единственное, что хотелось бы сказать по поводу будущего школы: её сохранение и развитие находится в прямой зависимости от того, как будет жить и развиваться наша социология в целом. Если её продолжат также убивать, как сейчас это происходит, то ни одна школа не выживет. Неудачи реформирования, приводящие к фрагментированию научных школ, сообществ и коллективов, к добру, конечно, не приведут. Из-за регулярных «уплотнений» научных коллективов и сокращения штатов специалисты вынуждены нарушать структуру научной коммуникации и сотрудничества – покидать свои коллективы, работать сразу в нескольких организациях или вообще уходить из социологии. Тем самым снижается кумулятивный эффект научной деятельности. Все эти болезни современной российской соци-

ологии каждому из нас хорошо известны, как и острая проблема привлечения в социологию молодёжи. Всё это, конечно, не способствует поддержанию социологических школ.

Данилова: Позвольте всё же ложку дёгтя внести в наш разговор. Без сомнения, наши размышления о научной школе, в данном случае, Ядова – вещь полезная в том смысле, что повышает нашу саморефлексию. С другой стороны, это явно напоминает уходящую натуру.

Я уверена, здесь нет ни одного человека, который не был бы благодарен Владимиру Александровичу за то, что он есть. Это персонаж, лидер. Но речь идёт о школах. Вот все говорят, что ленинградская распалась. Но не в этом дело. Она-то распалась, но люди благодаря ей социализировались, поработав с Владимиром Александровичем, вырабатывали определённые подходы, всё это уже в них заложено. И все, кто здесь присутствуют, тоже в каком-то смысле имеют навыки, которые получили благодаря взаимной коммуникации, обмену и работе с ним. Естественно, они всё это дальше понесут, и студенты будут перенимать, это обычная научная социализация, возможно, не обязательно школа.

Но идея осмысления наличия научных школ в социологическом сообществе очень важна для того, чтобы понять: а что такое, собственно, наука в нынешней ситуации, каким образом она конструируется и функционирует. Ведь ткань научных сообществ очень сложная, она состоит не из отдельных персонажей, а из того, что вокруг каких-то персонажей формируется. И бурлит жизнь, эта жизнь подпитывает и этого персонажа, и тех, кто с ним в этой жизни участвует. По всей видимости, когда начинал Владимир Александрович, это и была такая идея: коллективная работа над исследовательскими проектами, проблемами, отвечающими запросам науки и общества. Это ключевой момент. Такой проект, в который многие вовлечены, порождает определённую синергию, и не исключён прорыв, возникновение школы. А что мы видим в настоящее время? Работа в проектах – это неплохо, но недостаточно, потому что, просто занимаясь исследованиями ради удовольствия, синергии особой не получишь. Это отдельный момент, связанный с тем, что порой социальная наука находится в ситуации некой сегрегации от ... тех, кто ею занимается. Есть коллективы, работа которых востребована, а есть и наоборот – полная невостребованность, где-то есть финансирование, где-то нет, и т. п. Важна ли внешняя среда, условия, запросы? Может быть, вообще поставить вопрос о том, что на современном этапе школы классического свойства (с учениками и т. д.) уже имеют всё меньше и меньше значения? Возможно, это естественный процесс, либо он связан с тем, что другим образом теперь организована ткань науки в университетах, институтах и т. д. Современная ситуация заключается в том, что многие люди заняты разными проектами, наука финансируется не только коллективными, но и индивидуальными грантами. Возникает

разного рода конкуренция и всякое, ей сопутствующее, – это неплохо, но не ведёт ли это к тому, что, по сути дела, формируются совершенно иные варианты научных организаций. Здесь, поскольку Владимир Александрович в центре внимания, мы все говорили о нём и нашем коллективе, объединении индивидов. Но, возможно, сейчас происходит смена парадигмы. Представляется, что на современном этапе формирование школ – процесс крайне редкий. Потому я и говорю об уходящей натуре.

Семёнова: Это правда, что сегодня учёные мигрируют из одной организации в другую, из проекта в проект. Казалось бы, действительно, научные школы уходят в прошлое. Но, тем не менее, даже если это какие-то виртуальные школы, они всё равно образуются вокруг какого-то харизматического лидера, и всё равно это методологические школы. В нашем «поле», например, есть очень известная школа Щютца. Она настолько авторитарна, в отличие от школы, которую возглавляет Владимир Александрович, что там люди чётко знают границы и готовы себя отдать за эту школу. Она является не просто организацией определённых исследователей вокруг одной фигуры, это держатели принципиально своего методологического знания.

Данилова: Я про Запад и говорю. С одной стороны, там действительно очень авторитарные отношения, как в школе Бурдье, потому что он тоже, как и Ядов, хорошо работал с молодёжью, но очень определённым образом, мобилизуя их работать в его парадигме.

Козлова: Да, я думаю, сейчас, действительно, дело даже не в понятиях; понятие «школа» ещё из науковедения, насколько мне известно, не изъято. Другое дело, что меняется его смысл вместе с тем, как меняется наука в мире и в России. Сама школа существует как концепт, помогающий структурировать научные сообщества, научные направления и так далее. Наряду с этим, например, есть научная сеть, научный колледж и т. п. Я не думаю, что от понятия «школа» нужно совсем отказываться, говорить, что школа – это какая-то «уходящая натура». У неё всё же есть конкретные отличительные черты. Просто нужно понимать, что особенности, характеристики школы изменяются, и нам нужно понять, в какую сторону. Есть ли у нас эти школы, и как они развиваются.

Я думаю, что они сохранятся, но могут и не сохраниться, если не будет лидеров и их последователей. Если наука будет способна родить выдающихся людей, то у них обязательно появятся последователи, которые и составят школу. Школу нельзя «сделать руками», провозгласить. Она либо рождается, либо нет, и это зависит от условий и внутри науки, и вне её.

Данилова: Нужны творчество и лидер. Вождь нужен.

Козлова: Вам повезло, у вас есть!

Вместо послесловия, или подтверждение наличия «школы Ядова» со стороны

«Ядов является знаковой фигурой в современной отечественной социологии, поскольку его личная судьба неразрывно связана с её «вторым рождением», когда, почти полностью уничтоженная в 1930-е, она вновь начала развиваться в период «хрущёвской оттепели» (Социологический журнал. Специальный выпуск. 1999. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/YADOV_VLADIMIR_ALEKSANDROVICH.html?page=0,0).

«На протяжении 1960-1970-х возглавляемая Ядовым ленинградская социологическая школа провела фундаментальные исследования ценностных ориентаций, в результате которых была разработана и получила широкое признание диспозиционная теория регуляции социального поведения личности, сыгравшая важную роль в обособлении социологической теории от доктрины истмата» (Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2003).

«Владимир Александрович Ядов – один из зачинателей современного этапа российской социологии, аналитик, стоящий у истоков ряда направлений отечественной науки, автор книг, давно признанных классикой советской социологии, учитель значительной части работающих в стране социологов, создатель ленинградской социологической школы, человек, много лет возглавлявший головной академический социологический институт в Москве, один из лидеров профессионального сообщества российских социологов и учёный, во многом определивший отношение международной общественности к российской социальной науке, редактор регулярных социологических изданий и многих книг, член различных экспертных советов и многое другое. Уверен, что творчество Ядова станет предметом целенаправленного анализа теоретиков социологии, специалистов в области прикладных исследований, историков и методологов науки, культурологов. Ядов – это не только учёный и учитель, это – личность, которой присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим дух шестидесятничества» (Докторов Б. З. Владимир Ядов. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я» // Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х т. Том 3. Биографическое и автобиографическое. М.: ЦСПиМ, 2012).

«Если для младших поколений российских социологов Владимир Александрович Ядов всё же «далёкая звезда» – хоть можно и книги почитать, и лекции послушать – кому бы мо-

лodomу такая активность! – то для старших и средних поколений он слишком значим профессионально и по-человечески, чтобы не оставаться постоянно в поле его притяжения. Замечательно, что это «тяготение» не тяготит, и как бы даже не ощущается. Просто невозможно себя представить «вне» этого поля» (Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН 2008/2009 и не только). М., 2009).

«В любой научной дисциплине есть люди, которые играют роль Главных теоретиков, хранителей традиций и норм Науки, но при этом не становятся прижизненными памятниками самим себе, с интересом следят за новыми теориями и исследователями. Именно таким человеком для социологии и социологов является Владимир Александрович Ядов... Владимир Александрович может нарушить спокойствие и ритуал научной конференции, но ритуал Науки он свято соблюдает: доказательством этому служат его многочисленные книги, статьи и ученики, безусловный авторитет среди коллег. “Эталон”, “символ”, “идеал”, “великий”, “великолепный”, “обаятельный”, “энергичный”, “идеальный социолог” – вне привычных рамок, не подпадающий ни под какие шаблоны – и всё это Ядов» (Дёмина Н. Три дня из жизни В. А. Ядова // Социология: методическая помощь студентам и аспирантам. URL: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2010-08-27-11-36-03/48-2010-08-30-12-28-38/1460-2011-03-22-01-24-24>).

О Владимире Александровиче Ядове

Окончил ЛГУ. В конце 1950-х гг. организовал лабораторию социологических исследований при ЛГУ, которая впервые в СССР стала изучать трудовую мотивацию и ценностные ориентации.

С 1988 по 2000 гг. – директор Института социологии РАН.

С 2000 г. – декан факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

Доктор философских наук, профессор.

Ведущий российский социолог, специалист в области социологии труда и экономической социологии, автор первого в России учебника по методологии социологического исследования: «Стратегия социологического исследования». Этот учебник до сих пор является базовым для социологических факультетов в России.

Занимал руководящие посты в Международной социологической ассоциации, Международном институте социологии, Европейской ассоциации экспериментальной психологии, возглавлял Российское общество социологов, Институт социологического образования Российского центра гуманитарного образования, работал в качестве эксперта международных и российских научных фондов, председателя Диссертационного совета, члена Высшего аттестационного комитета РФ.

Руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, главный научный сотрудник.

Декан факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

Член Международной социологической ассоциации.

Почётный доктор университетов в городах Самаре, Харькове, Хельсинки, Тарту, Института социологии РАН.

Входит в состав Учёного совета ИС РАН, Диссертационного совета Д 002.011.01 (председатель).

Руководитель Исследовательского комитета Российского общества социологов (ИК РОС) «Социология труда».

Владимиром Александровичем подготовлено свыше 70 докторов и кандидатов наук.



Член ряда международных редакционных советов журналов, среди которых:

«Вестник Института социологии» – председатель Международного редакционного совета;

«Социологический журнал» – главный редактор;

«Социологическая наука и социальная практика» – член Международного Консультативного совета;

«Социология: методология, методы и математическое моделирование» («Социология: 4М») – член Редакционного совета;

«ИНТЕР» – член Редакционной коллегии;

Автор более 300 научных публикаций, в их числе:

Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Самарский университет, 1995. 332 с.

Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. Учебное пособие. М.: Добросвет, 2000. 596 с. 6 изданий.

Человек и его работа в СССР и после. (В соавт. с А. Г. Здравомысловым). М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для студентов магистратуры социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с. 2 издания.

Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России (Теория наблюдения, биограф. интервью. Советы студентам). М.: Таус, 2009. 352 с.

Труды, изданные под редакцией В. А. Ядова:

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьмью наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. – М.: Логос, 2010. – 388 с.

Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Ред. Е. Н. Данилова, В. А. Ядов. СПб: Издательство РХГА, 2006. 352 с.

Россияне и китайцы в эпоху перемен: Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / Под общ. ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012. 452 с.

Становление трудовых отношений в постсоветской России / В. А. Ядов, С. Г. Климова, Джоан ДеБарделебен. М.: Академический проект, 2004. 320 с.

Социальная идентификация личности. Книга 1, 2 / Под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1994.

Социальная идентификация личности / Под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1993.

Социология в России. М.: ИС РАН, 1998.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во «Флинта», 2005. 584 с.